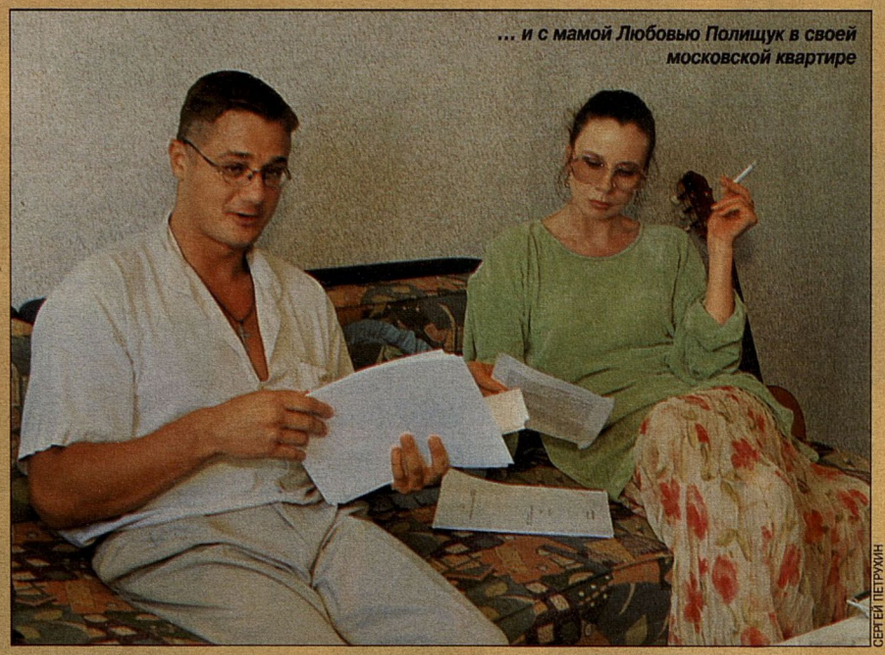
ЛЮБОВЬ ПОЛИЩУК:
«ВОПРЕКИ ВСЕМУ Я УМУДРЯЛАСЬ ВСЕГДА СОХРАНЯТЬ НЕЗАВИСИМЫЙ ВИД...»

Почти каждый год в августе Любовь Полищук ездит отдыхать в Крым, в поселок Коктебель — там находится дача родителей ее мужа, художника Сергея Цигаля. На днях зашла Любовь Григорьевна с мужем на местный рынок за фруктами-овощами. Остановилась у прилавка с капустой. И вслух задумалась: «Получатся ли из таких вилков голубцы?» Торговка, демонстративно повернувшись к Любиному мужу, произнесла: «У хорошей хозяйки получились бы. Но твоя-то — артистка».

Семь дней. — 2002. — 9–15 сент. (№ 37). — с. 44–54

Алексей Макаров с Николаем Расторгуевым в фильме «Чек»...

АНАТОЛИЙ ПАШЫКИН



... и с мамой Любовью Полищук в своей московской квартире

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

— Вот так приложила, представляете? — *сетует народная артистка России.* — Теперь обдумываю убийственную фразу, которой я отомщу обидчице.

— То есть на самом деле хозяйка вы хорошая?

— Разумеется, все, что надо делать по дому, я могу делать и делаю. Но не часто. В основном домашним хозяйством Сережа занимается и делает это великолепно и с удовольствием. Мне в этом смысле (как, впрочем, и во всех остальных) с мужем очень повезло. Я не знаю забот в отношении быта. Мало того, что он интеллигентен, образован, деликатен, так он при этом прекрасно готовит. Так что, когда я уезжаю на гастроли, моя женская душа спокойна. Я знаю, что без меня моим детям будет так же хорошо, как и со мной, а может быть, даже и лучше... У меня вся эта возня по хозяйству с детских лет поперек горла стоит. Мы жили в Омске. Мама с папой на работе, сестра Валя (сейчас она живет в Германии) на три года младше меня, брат Толя (его уже нет в живых) — на 10 лет. Вот все хлопоты и легли на мои плечи. И картошечку поджарить, чтоб родителей с работы встретить и накормить, и воду принести, и квартиру прибрать. Да еще таскание угля, растапливание печки, пилка дров. Вы знаете, что такое пилить дрова с папой? «Тяни! — кричит он мне. — Тяни, черт возьми!» «Я тяну-у-у!» — из последних сил задыхаюсь я... Как я проклинала всю эту работу! Помню, классе в пятом пошла, как обычно, за водой. Была зима. Шла я с коромыслом и представляла себя русской красавицей. На самом-то деле я была страшная, как и вся моя жизнь. Но, подражая балеринам, я держала позу, прямую спину и, как мне казалось, очень грациозно набирала воду. А там под колонкой была обледеневшая глыба. Не удержавшись, я, как стояла с ровненькой балетной спиной, так ровнехонько и приложилась лицом к наледи. Шишка выросла вот та-а-кая, с кулак, лицо почернело... Тогда я впервые подумала: «Вот когда вырасту, ни за что этими вещами заниматься не буду!»

— Но если отвлечься от быта, вам детство вспоминается как веселое вре-

Любовь Григорьевна на даче в Коктебеле

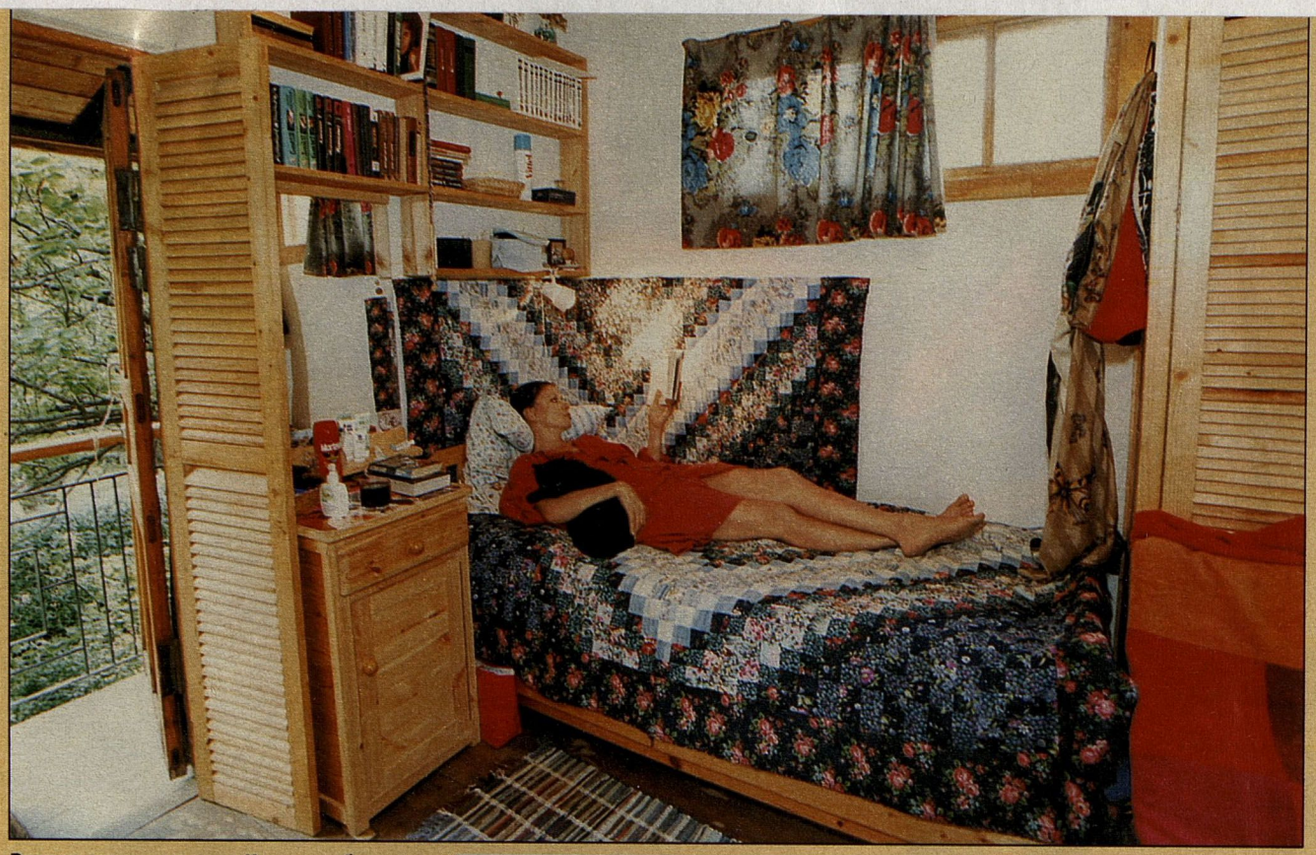
мя или как период запретов, ограничений, желания вырваться на свободу?

— Родители мои были не из тех, кто поощряет всякие шалости. Скажем так: строгие родители. Особенно отец. Он был моралистом, отчасти деспотом. «Я сказал!» — и баста. Упертый такой хохол. При этом патологически ответственный человек. Он потерял родителей, когда ему еще пяти лет не было. И очень рано пошел батрачить к богатым людям — убирал скотный двор, работал в поле, выполнял всю черную работу. Окончил в деревне 4 класса. Потом приехал в город, женился, родились дети — я, затем сестра. И тогда он пошел учиться в вечернюю школу. Десятилетку мы с отцом оканчивали одновременно. После чего он поступил в строительный техникум, который окончил с отличием. Представляете, какой перерыв между начальным и средним образованием? Он работал строителем — маляром, и дошел до прораба... На похороны Григория Мефодиевича Полищука пришло полгорода — он много сделал добра людям...

— В чем же выражалась строгость родителей?

— До пятого класса я была отличницей, а потом не училась, а только мучилась. И родителей мучила. Мать драла меня ремнем за то, что я воровала урюк из компотов, оставляя всю семью без ягод, и частенько мне говорила: «Любка, будешь бандитничать, знай — там за зеркалом сидит Боженька. Имей в виду, он оттуда смотрит на тебя и мне потом все рассказывает». На всякий случай я в мамино отсутствие набрасывала на зеркало шаль, чтоб Он ничего не видел. А я очень любила изображать из себя кого-то. То Софи Лорен, то Робертино Лоретти — я здорово пела его голосом, то Зою Космодемьянскую, даже челку под нее подстригла. Кстати, мне этот фильм помог. Я очень плохо переносила морозы, но, вспоминая Зою, гордо подставляла грудь сибирским вьюгам...

А отец был суров, но избил меня лишь однажды, когда я была уже взрослой, 8-й класс оканчивала. Как-то он сказал: «Любка, экзамены на носу, я прошу, приходи вечером домой не позже 9 часов». Не знаю, что это было — протест или вредность, но я специально стала приходить в 10. Он стерпел, сказал только: «Ну, не хочешь в 9, приходи хотя бы в половине десятого». Я пришла в 12. Он еще потерпел два дня,



Вот уже девять лет кошка Кися, подобранная актрисой в аэропорту, является бессменной спутницей своей хозяйки

потом, скрипнув зубами, сказал: «Ладно, я тебе разрешаю приходить в 10». Я пришла полвторого ночи... Никогда не забуду этого гнева. Зная, что он не спит и ждет меня, я решила его обхитрить. Папу обхитрить — ха, ха! Лезу из огорода через окно, перекидываю ногу, поднимаю глаза и... вижу силуэт в проеме двери. Я чуть не свалилась обратно, а он говорит: «Продолжай путь». Я продолжила. Он вывел меня на кухню, закрыл дверь в комнату, где спала Валя, повернулся ко мне и... «Я тебе что сказал?!» Да как даст кулаком по печке... Не поверите — вывалился весь угол. Он был такой сухой, поджарый мужик, но невероятно сильный. Я от страха ему: «Ну вот что ты наделал, зачем ты это сделал?» Он взял ремень и со словами: «Мне стыдно на улицу выходить. Все девчонки как девчонки а ты носись с парнями», — замахнулся на меня. Я, не будь дурой, побежала вокруг стола. Он — за мной. Бегал, бегал, потом остановился да ка-ак протянул ремнем через стол по мне. И тут я застыла, подумав: «А Зое Космодемьянской было еще хуже». И встала неподвижно. Он меня

Блины — фирменное блюдо Любови Полищук. С дочерью Машей Цигаль

бил, а я молчала. И это злило его еще больше. А я еще думала знаете о чем? Как же я завтра покажусь на пляже?! Дело в том, что я очень хорошо шила любые вещи, в том числе купальники. Летом каждый день появлялась на пляже Иртыша в новом купальнике собственного производства: то с рюшечками, то с бантиками, то на веревочках, то с полосочкой... В общем, была королевой пляжа. Но как же может быть королева ремнем исполосованная?

— Что же вы все-таки делали на улице до полвторого ночи?

— Думаете, обжималась с пацанами?

— Ну что-то вроде того.

— Вот и нет. В футбол с мальчишками гоняла. Там фонарь висел, и мы играли, я нападающим была. Долго я этим увлекалась, но однажды мне так дали мячом по лбу, что я потеряла сознание. Тогда поняла, что футбол для

Рано или поздно наступает пора, когда дети начинают носить родителей на руках

меня — дело опасное. Я же все-таки собиралась быть артисткой.

— Почему именно артисткой?

— Не знаю, но как только я научилась говорить, на вопрос: «Кем будешь?» — я отвечала: «Артисткой».

— Но, судя по всему, родители должны были быть против.

— Не то слово. Отец сказал: «Только строителем! А глупости из головы выкинь». Мать добавила: «Или швеей, как я, — тоже профессия. А артистка — это шо? Дурь одна». Мне пришлось изобразить носовое кровотечение. У меня в детстве была такая странная особенность организма — часто шла носом кровь и долго не останавливалась. Так я, зная, что родители будут напуганы, специально раздолбала себе нос и долго расковыривала его, чтобы кровь не останавливалась.

— Это для чего же?

— Для того, чтобы меня отпустили. Я заявила: «Лучше истеку кровью, умру, если вы меня не отпустите в артистки в Москву». Родители были в шоке — как в Москву? Почему в Омске нельзя остаться, тут же на худой конец тоже есть театры. Но я чувствовала — меня ждут в Москве. И они меня все-таки отпустили — договорились через свою знакомую с ее родственниками-москвичами. Немаловажную роль сыграло то, что билет до столицы можно было взять бесплатный — папа за какие-то заслуги имел на это право. Правда, обстоятельства так сложились, что в Москве я поступила во Всесоюзную творческую мастерскую эстрадного искусства, готовящую программу (вот ирония судьбы!) для Омской филармонии, где я и проработала несколько лет.

— Интересно, как ваши родители отреагировали, когда после знаменитого танца с Андреем Мироновым в «12 стульях» вас узнала вся страна?

— Во время съемок фильма мама жила у меня в Москве — я к тому времени уже окончательно перебралась в столицу. После съемочного дня я пришла домой той еще красавицей. Не шутка же — 14 дублей, во время которых меня били, крутили, швыряли в витрину с необлегченным стеклом, бросали на цементный пол, так как забыли постелить матрац... Мама посмотрела на меня и сказала: «Любка, ты же взрослая женщина, а вся в синяках, царапинах. Как не стыдно?! Нет, чтобы в костюмчике, в белой кофточке, как все артистки снимаются. А ты все время то оголяисся до неприличности, то побитая ходишь. Ну что это такое?» Я гордо ответила: «Ты ничего не понимаешь, я — характерная артистка!» На что мать сказала: «Ты не артистка, а шалава». Она меня всю жизнь шалавой обзывала.

А отец как-то приехал в Москву, посмотрел один из моих спектаклей и, сильно втянув носом воздух — у него была такая привычка, — сказал: «Ну, шо я могу сказать тебе, Любка. Еще лет пять так подергаисся, а дальше шо? Профессии-то нет! Говорил тебе — иди в строители». А мне тогда уже звание

Компьютер IBM по цене монитора

ФИРМА

«Почему я люблю Сергея?.. А любят не почему-то, а вопреки!»

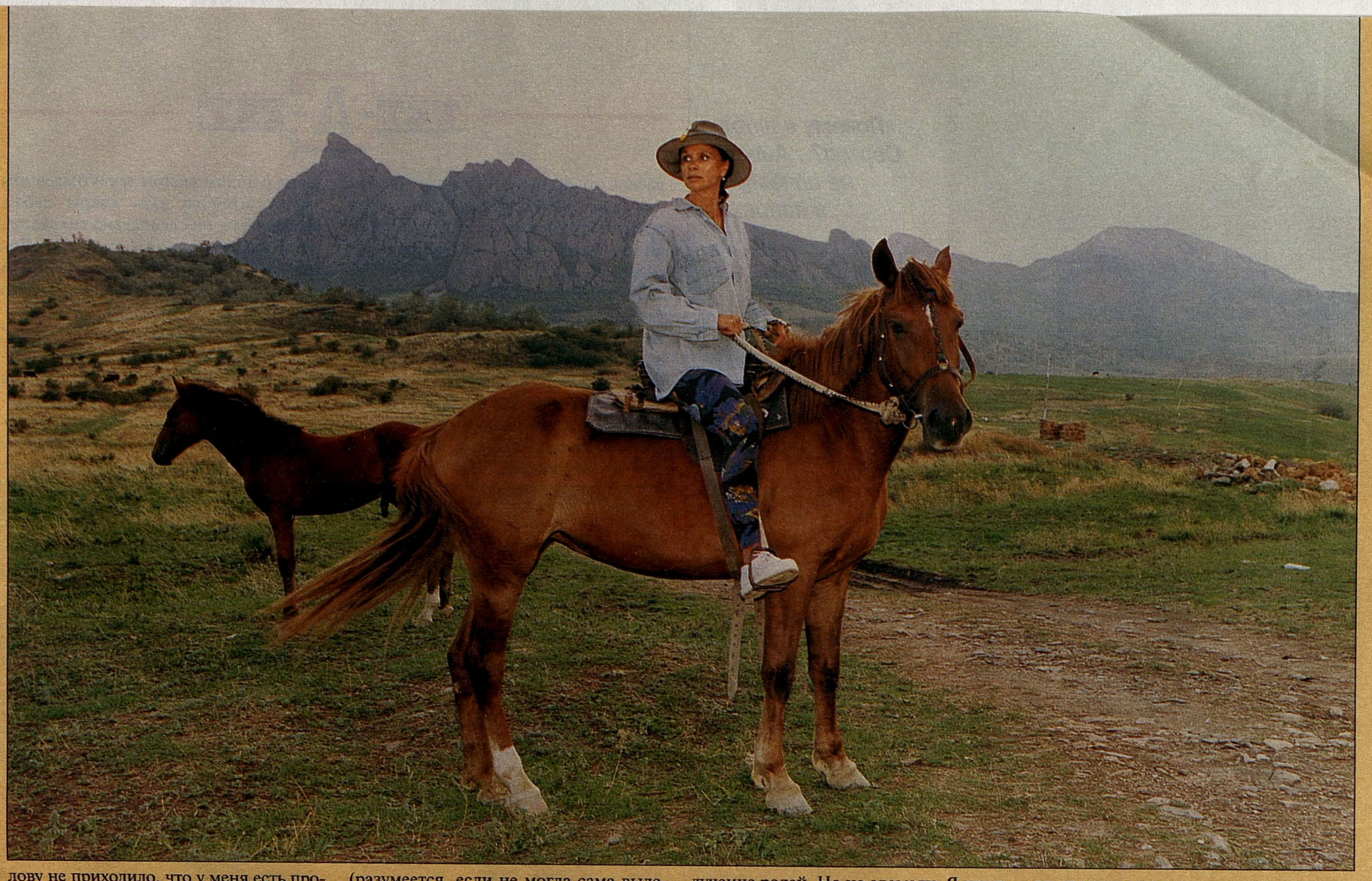
ТЕТ-А-ТЕТ

шала я эту историю, Аллочка. Не знаю уже, куда бежать. Ну, хочет — пусть придет, познакомится...» В результате он узнал, что я буду участвовать в «посиделках» в ЦДРИ. И пришел. Нас познакомили. Договорились, что он придет ко мне на спектакль. Посадили его на какое-то место за колонну, и он, сидя за ней, проклинал театр, режиссера, администратора и меня. После спектакля все же пригласил в ресторан. Но сначала прокатил на своем «жигуленке» по заледеневшим улицам так, что меня холодный пот прошиб. Нас занесло, машина с диким визгом закрутилась, мы такого штопора дали вокруг себя... Представьте, он специально это сделал, хотел посмотреть, как я отреагирую. Так вот, мне все это понравилось. Очень. А ему понравилась моя реакция. Так что сблизила нас экстремалка.

— Как было входить в семью Сергея?

— Меня приняли легко, с удовольствием, очень доброжелательно. Сережа привел меня познакомить с родителями. (*Мирэль Яковлевна, дочка знаменитой советской писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян, и Виктор Ефимович*

ОТКРОЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ ЛУЧШИЕ ДОМА МОСКВЫ



лову не приходило, что у меня есть проблемы. Я же всегда была хорошо одета, всегда отлично выглядела, у меня всегда все было в порядке... для окружающих. Все, кто бывал у меня дома — Миша Жванецкий, Ираклий Квирикадзе, Аркаша Инин, Витя Мережко — входили... и у них буквально отваливалась челюсть. Они говорили: «А мы-то думали, что ты купаешься в розовой пене».

— И все-таки непонятно, как вы умудрялись сына воспитывать? Как-никак съемки, спектакли, гастроли...

— Когда Леша был маленький, я возила его с собой везде. Но со временем поняла, что таскать ребенка по гастролям не очень здорово. Тогда я стала брать его только в хорошие поездки, а когда выпадали плохие — отправляла сына в Омск. С четырех лет. Я подходила к самолету, к какой-нибудь симпатичной тетеньке, или еще лучше к семье (разумеется, если не могла сама вылететь), и договаривалась о том, чтобы они проследили за мальчиком. А там, в аэропорту, его встречали родители. Ну, а отпуск я всегда у родителей проводила.

— В тот период ваша неустроенность выплескивалась в каких-то чисто женских эмоциях: слезы в подушку, истерики, досада на судьбу? Или, наоборот, была надежда на то, что все изменится к лучшему?

— Я вообще редко плачу, оч-чень редко. Для меня заплакать даже на сцене или в кино — большая проблема. И в то время я не плакала. Я была этакой идиоткой-оптимисткой. Но и женщиной при этом. И советской власти не удалось вытравить это из меня. Даже когда все вокруг были (*с нажимом.* — **Т.З.**) то-ва-ри-щами, я оставалась женщиной. И это очень многих раздражало. Особенно тех, от кого зависело получение ролей. Но не сломали. Я никогда не чувствовала усталости, была очень яркая, феерически веселая и, если не улыбалась, все спрашивали: «Что-то случилось?» Всегда была окружена вниманием мужчин, куча поклонников. Мне даже приходилось совершать какие-то неженственные поступки, чтобы отвратить от себя кого-то. Я хамила, посылала подальше... И никогда не задумывалась над тем, что судьба-то, личная жизнь по сути не удалась.

— Но потом в вашей жизни появился Сергей...

— С Сережей мы познакомились, когда мне уже было 34 года.

— Чем же он вас покорил?

— А любят не почему-то, а вопреки. Я понимаю, что это общие слова. Вот мы уже 19 лет вместе, а жизнь с каждым днем все больше подчеркивает, что именно с ним я должна была встретиться, именно этим человеком меня должна была наградить судьба за все те ужасы, которые я пережила.

— Кто кого из вас первым «открыл»?

— Вот здесь, в Коктебеле, они сидели с отцом и смотрели фильм «Эзоп». Потом они мне рассказали, как оба в один голос воскликнули: «Какая красивая баба!» А спустя пару лет знакомые пригласили его в театр «Эрмитаж» на спектакль Михаила Левитина «Хармс! Чармс! Шардам!» Он увидел меня и спрашивает: «Это не та Полищук?» Да, говорят, она. Потом он вспоминал: «Я сидел, смотрел спектакль, а потом сказал: «Моя!» И начал меня «окружать». Мне без конца со всех сторон стали звонить — то Марк Розовский намекнет, что со мной художник один хочет познакомиться, то Генка Хазанов... Потом позвонила массажистка и сказала: «Тут есть художник один...» Я говорю: «Слы-

Русская борзая Дуня — давний член семьи Полищук–Цигалей.

заслуженной артистки дали... И только лет семь спустя он, посмотрев спектакль Леонида Трушкина «Там же, тогда же», подошел ко мне и сказал: «Да-а, тяжелая у вас работа». Я говорю: «Ну как, есть профессия?» «Да, — говорит, — еще какая».

— Ну то, что актерская профессия нелегкая — это понятно. А личная жизнь как — была под стать профессии? Вы рано вышли замуж?

— Ну как рано? Нормально, в 21 год. Валера Макаров учился вместе со мной. Но роман наш зародился только после нескольких лет совместных гастролей. Я была страшно в него влюблена. Вообще, если я что-то делаю, то это страшно. Так вот, я влюблена была, а он на меня внимания не обращал. А я постоянно краснела в его присутствии. И вдруг в какой-то момент он раз — и обратил на меня внимание. Смешно. Вскоре поженились, родился Лешка. Родился он не очень удачно. Доктора мне не помогали, в упор меня не видели — подумаешь, лежит там, чего-то кряхтит. И чуть не погубили ребенка. Я разродилась только на третьи сутки. И только на шестой день сын дернул ножкой. Я уже думала — все, конец. А до этого он лежал под кислородными масками. Когда его впервые принесли ко мне, я была просто напугана: вся голова исколота, сам он желтого цвета, худющий и такой страшный... Но сиську хватал исправно. И через полтора месяца это уже был не доходяга, а карапуз-здоровячок.

— Это был запланированный ребенок или так получилось случайно, по молодости?

— На самом деле это было для меня неожиданностью. Я не сразу поняла, что была беременна. За здоровьем особенно не следила и момент прозевала. Но тем не менее вопрос о прерывании беременности даже не пришел в голову. Но, если честно, я надеялась, что будет девочка.

После рождения ребенка выяснилось, что муж любит выпить. Он сейчас уже покойник, и мне бы не хотелось какие-то подробности ворошить, но если коротко — он спился. Я долго пыталась возобновить наши отношения, даже перетащила его в Москву, когда меня пригласили работать в столичном мюзик-холле. Но все равно ничего не получилось — Валера бесконечно срывался. Собственно, поэтому он и умер. А какой талантливый был человек! Темперамента невероятного, стихи красивые писал, музыку, монологи прекрасно читал, актер великолепный. В общей сложности мы прожили года четыре.

ТЕТ-А-ТЕТ

— Трудно было одной растить сына?

— (*После долгой паузы.*) Слово «трудно» не годится. Знаете, чем дальше, тем больше не понимаю, как я вообще выплыла в этом водовороте, в этом ужасе. Я пережила такой кошмар, оставшись одна с ребенком в Москве. Не знаю, каким образом я выжила и худо-бедно карьеру какую-то сделала. Взять хотя бы годы, когда я копила на кооперативную квартиру — копеечку к копеечке откладывала. У меня в комнате в общежитии на полу был постелен матрац, на котором мы спали вдвоем с Лешей. А на кухне стоял только дешевый детский пластиковый столик. Я-то, черт со мной, могла поесть и стоя, лишь бы Лешке было удобно.

— Муж не помогал?

— Нет. Зато к моменту, когда я наконец купила трехкомнатную квартиру, он решил со мной помириться. Сделал все для того, чтобы я уступила. Я сдалась, прописала его к себе и... он опять стал напиваться до поросячьего визга. И тогда я поняла, что этот человек попросту болен. А раньше я этого не осознавала, все время лелеяла надежду сохранить отца для ребенка, да и вообще сохранить семью. Не вышло... И тут начался другой кошмар — по поводу размена квартиры. И я согласилась на размен, только бы не видеть его.

— Но ваш сын — актер Театра Моссовета Алексей Макаров — выбрал фамилию отца. Вам не обидно?

— Еще как обидно! До двенадцати с половиной лет растила его я, да мои родители по фамилии Полищук. А он взял фамилию Макаров. Ну что ж, Бог ему судья. Выбирая фамилию при получении паспорта, он сказал: «Я — Макаров. В искусстве есть уже одна Полищук. Хватит».

— Наверное, не хотел считаться маменькиным сынком.

— Конечно, но все равно меня это ранило.

— Неужели, когда вы в одиночку боролись с жизненными невзгодами, не возникали люди, которые поддерживали бы вас?

— Я умудрялась всегда сохранять такой независимый вид, что никому в го-

Цигаль — художники. — **Т.З.**) Мама его жарила котлеты. А я с детства никогда не ела то, что прокручено. Если не вижу, что туда крутят, не могу есть. Даже дома у мамы я мясо от пельменей отдавала сестре, а тесто ела сама. Брезгливость у меня какая-то, тоже своего рода идиотизм. Но тогда, в квартире у Сережиных родителей, я была настолько ошарашена количеством всего красивого, огромной библиотекой, потрясающими картинами, рассказами об авторах этих картин, что под впечатлением, я машинально взяла котлету и съела. И обалдела — как, оказывается, это вкусно! Узнала рецепт. И сейчас делаю котлеты не хуже...

Год мы с Сережей жили вместе, не расписываясь, и он жениться на мне не собирался. Но так вышло, что я забеременела. И долго скрывала этот факт, пока мне УЗИ не сообщил, что будет девочка. Тогда я сказала Сереже: «Я очень хочу девочку. Но двоих детей без отца я не потяну. Может быть, ты женишься на мне?» Он, конечно, растерялся, так как не был готов к такому повороту, и ничего мне сразу не ответил... Потом мне свекор со свекровью рассказали, что Сережа пришел домой бледный, растерянный и сообщил, что у нас должен быть ребенок и он не знает, как быть. А я уже была знакома с его замечательными и безумно талантливыми родителями. Они тут же ему велели: «Немедленно иди за цветами, встань перед Любой на колени и попроси ее руки». Что он и сделал. Буквально через два часа он пришел ко мне с букетом гвоздик (я, кстати, ненавижу гвоздики!) и сказал: «Я предлагаю тебе руку и сердце...» Сейчас свекор, когда смотрит на Машу, которая выше его на полголовы, говорит: «Любаня, ну ты посмотри на нее — ведь буквально из ничего...»

— Дочка вам далась так же тяжко, как сын?

— Проблем и с Машей хватило. Мне сделали кесарево очень неудачно, я долго не могла прийти в себя. Месяцев через семь у меня разорвался аппендицит — срочная операция, тоже неудачная, пришлось резать повторно. А я уже работала на сцене, где надо было и шпагат делать, и мостик. Как мне потом объяснили, оттого, что полость у меня была вся разрезана, нагрузка легла на спину. И я сорвала себе спину. Во время спектакля «Соломенная шляпка» у меня выскочили позвоночные диски. Я на сцене потеряла сознание от боли и упала замертво. Привезли в больницу лицом вниз, на подушке. Приговорили к инвалидности. Больше полугода провела в больнице — бесконечные блокады, корсеты, неподвижность. В общем, меня готовили к жизни на костылях... А я потом сыграла спектакль «А чой-то ты во фраке?», где встала на пуанты.

— Не страшно было детей отпускать в эту профессию? Маша ведь тоже в этом году поступила в театральный вуз.

— При поступлении я не помогала ни сыну, ни дочери. И все время лелеяла надежду: «А может, рассосется?» Но деспотами для своих детей мы с Сере-

жей быть не хотели. Мы их поставили на ноги, дальше пусть делают, что хотят. Зато потом родители ни в чем не будут виноваты. Однажды Леша мне сказал: «Как ты была права, не нужно мне было становиться актером». Конечно, эта профессия ущербна, особенно для мужской психологии. Но он оказался артистом просто потрясающим, очень одаренным. И это я говорю не потому, что Леша мой сын. Я поняла это, когда работала с ним в спектакле «Квартет для Лауры», где он играл одного из моих мужей. Леша невероятно взрывной, у него сумасшедший темперамент. Хотя в жизни он очень закрытый человек. Манюня более открытая, более ранимая, чем Леша, и в ней, мне кажется, тоже есть какая-то искра. В чем-то мы с ней похожи. Я в детстве жутко врала, причем только для того, чтобы украсить свой рассказ. Машка тоже где-то класса до 6-го безостановочно врала, а потом однажды сказала нам на голубом глазу: «Знаете, я решила больше не обманывать. А то скажу одно, потом другое, потом забываю, где наврала. И чтобы не запутаться, я решила прекратить вранье». Мы с Сережей были очарованы этим поступком. Спасибо, дорогая.

— Немудрено, что у вашей дочери богатая фантазия: мама — актриса, папа — художник. Кстати, а как вам живется в окружении художников? Все-таки они люди с особенным мировосприятием.

— Я до сих пор не понимаю, как они видят мир, как воспринимают цвета. Вот сегодня мы с мужем поссорились. Он мне показывает синие шорты и заявляет, что они сиреневые. Я говорю: «Ты шизоид, я с тобой просто сойду с ума». А он поясняет: «В синем присутствует красный цвет, поэтому это сиреневые шорты». Когда-то мы чуть не развелись из-за этого. В Феодосии стояла дикая толпа на междугородний телефон. Мы заняли очереди сразу в несколько кабин, чтобы позвонить в Москву родителям. Сережа спрашивает: «Ты где заняла?» Я говорю: «Вон за тем дяденькой в белой майке». А я предупредила человека, что сейчас подойдет муж — с усами и с серьгой в ухе. Через полчаса прибегает Сережа, весь взмокший: «Я обегал все, человека в белой майке нет». «Да вот же он», — говорю, и указываю на этого мужчину. А Сережа в ответ: «Но у него же розовая майка»... Я растерялась. Это был первый раз, когда мы поссорились на почве разного видения цвета. Всю дорогу из Феодосии в Коктебель мы ругались и решили разойтись... Ну это же невозможно, у меня было ощущение, что я на другой планете или что меня за идиотку считают... Но с годами становишься лояльнее, начинаешь учиться прощать — это же и есть жизненный опыт, верно? «Ну, — думаю я, — хочешь, чтоб шорты назывались сиреневые — пожалуйста, Бог с тобой. Ну с придурью немножко мужик, ничего. Лишь бы глаза не выцарапал».

— Вам нравится в Коктебеле?

— Здесь очень красиво. Но я все-таки из — как это называется? — Западно-Сибирской низменности. То есть я человек приземленный. И всей этой романтики с завываниями ветров в горах, ураганами, степной пылью, бушующим морем для меня, скажем так... многовато. Я плохо себя чувствую. Поэтому я выбрала оптимальный вариант — конец августа, сентябрь, когда и народу поменьше, и природа поспокойнее себя ведет. Тогда и я здесь могу душой отдыхать.

— Вы обронили фразу: «Я в детстве была страшная, как и вся моя жизнь». Оглядываясь назад, как вам кажется, ваша жизнь действительно была страшная или все-таки нет?

— Я недавно сформулировала для себя одну мысль. Она очень банальная, но это так и есть. Если бы мне довелось начать жизнь сначала, я бы ничего в ней не изменила. Ни на йоту. Потому что жизнь у меня была хотя и страшная, но зато и очень интересная. Некоторые свои ошибки я бы даже несколько раз повторила. Потому что это — моя жизнь.

Татьяна ЗАЙЦЕВА
Фото Елены СУХОВОЙ
Коктебель — Москва